

Аввакумова Наталья Владимировна

"СВОЁ" И "ЧУЖОЕ" В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ К. Д. НОСИЛОВА

Данная работа посвящена исследованию этнографической прозы К. Д. Носилова, который внёс большой вклад в формирование образа Крайнего Севера конца XIX - начала XX века. Творчество Носилова впервые исследуется с позиции "своего" и "чужого". Особое внимание уделяется своеобразной подаче литературного материала - Носилов выступает в роли посредника между аборигенным населением - "чужими" и жителями центральной России - "своими", такой подход - явление в литературе достаточно уникальное.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8.1751

Филологические науки

Данная работа посвящена исследованию этнографической прозы К. Д. Носилова, который внёс большой вклад в формирование образа Крайнего Севера конца XIX – начала XX века. Творчество Носилова впервые исследуется с позиции «своего» и «чужого». Особое внимание уделяется своеобразной подаче литературного материала – Носилов выступает в роли посредника между аборигенным населением – «чужими» и жителями центральной России – «своими», такой подход – явление в литературе достаточно уникальное.

Ключевые слова и фразы: имагология; «свое» – «чужое»; Крайний Север; К. Д. Носилов; этнографическая проза.

Аввакумова Наталья Владимировна

Тюменский государственный университет

65184@mail.ru

«СВОЁ» И «ЧУЖОЕ» В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ К. Д. НОСИЛОВА ©

Для современного изучения этнографической прозы характерен имагологический (от английского *image* – имидж) подход, позволяющий сформировать объективный образ народа или страны путём сравнения субъективных представлений о них различных писателей, а также путём сопоставления бинарной оппозиции «свое – чужое», имеющей существенные отличия в творчестве авторов, описывавших одну и ту же территорию и её обитателей в один и тот же временной период.

Этой теме посвящена работа под названием «Имагология» известного российского учёного А. Р. Ощепкова, который определил данное понятие как «сферу исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающуюся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном сознании той или иной страны, эпохи» [10, с. 251].

О важности имагологического подхода говорится и в исследовании Н. А. Кубанёва. Автор подчёркивает, что «хотя сам термин «имагология» появился сравнительно недавно, следует заметить, что русская литература всегда развивалась в «имагологическом» ключе, для которого характерен «русский» взгляд на развитие событий и процессов» [4, с. 6].

В настоящее время довольно частое обращение к имагологическому подходу при изучении различного рода литературных произведений, и в особенности этнографических, объясняется, прежде всего, повышенным интересом к вопросам национальной идентификации, процессам глобализации и локализации, стремлением изучать «киные» культуры и сравнивать их со «своей». Как писал выдающийся учёный М. М. Бахтин, «мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она себе не ставила, мы ищем в ней ответа на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые стороны, новые смысловые глубины» [1, с. 253].

Ввиду этого изучение творчества известного русского писателя, этнографа и путешественника Константина Носилова, чьи работы главным образом посвящены Крайнему Северу и проживающему здесь аборигенному населению, сегодня особенно актуально, так как благодаря этому решается важная имагологическая проблема – определяется степень влияния «чужой», в данном случае русской, культуры на развитие и самосознание аборигенных северных народов, индикатором которой является авторское восприятие действительности. Именно через него преломляются ключевые понятия, которым посвящена данная работа, – «свое» и «чужое».

Обращение к концептуальному содержанию категорий «свое» и «чужое» в этнографической прозе К. Д. Носилова позволяет выявить как своеобразие его художественного почерка, так и глубину духовных и эстетических исканий.

Таким образом, объект исследования – этнографическая проза К. Д. Носилова, предмет – особенности отображения «своего» и «чужого» в очерках и набросках писателя.

Наиболее часто реализация концепта «свое» – «чужое» в этнографической прозе писателя происходит на уровне художественного пространства. Несмотря на то, что Носилов прожил на Крайнем Севере долгие годы, этот край не стал для него до конца «своим». Подтверждение этому находим практически во всех его произведениях. Так, в очерке «По следам князя Курбского» Носилов, используя приём противопоставления, чётко разграничивает «их край» и «нашу, русскую крепость», как явно «чужое» автор описывает пространство и в очерке «Через десять лет» – «... настолько всё это окружающее было чуждо тому, что я привык видеть даже в тайге Сибири» [7, с. 156]. В очерке «История одного самоёда» Носилов пишет, как жаль ему было привезённого из Архангельска пса, «который, помню, всё лизал мне руки, когда, бывало, выйдешь на двор, – словно он чувствовал, что мы с ним здесь чужие» [6, с. 229].

В представлении автора Север – «заколдованная страна», «страна дикарей», «заброшенная, дикая страна», «неизвестная страна», куда его обитателей «вытеснили исторические события», где человеку плохо и неуютно, куда высылают «в изгнание». В очерке «Ясак» Носилов описывает судьбу священника, которого

за дурные поступки отправили «просвещать дикарей». Священник смирился со своей судьбой и говорит, что одно его утешает, что «отсюда и переводить-то уже некуда, разве в ад – самое последнее место в епархии» [7, с. 198]. Сравнение северного пространства с адом красноречиво свидетельствует об отношении к нему не только священника, но и самого автора. Особенно ярко это проявляется во время описания природы. Носилов пишет: «Нет, не люблю я мёртвого северного леса этой тайги, в нём как-то жутко...» [Там же, с. 189]. В описании северного пространства он использует и другие эпитеты, характеризующие его негативное к нему отношение: «безжизненная земля», «уродливый лес», «тёмная тайга».

Реализация концепта «свое» – «чужое» в этнографической прозе К. Д. Носилова происходит и на уровне хронотопа. В очерке «Через десять лет» автор описывает край вогулов с промежутком в десять лет. В начале произведения отчётливо проявляются мотивы «открытия», «постижения нового». Носилов отмечает: «Для меня тогда всё было ново: и дикая лесная река с молчаливым тёмным лесом, и редкие берестяные шалаши; и спрятавшиеся в лесу юрты, откуда к нам на берег выбегали вместе с собаками толпы вогулов, снежных гор Урала, и сама жизнь вогулов» [Там же, с. 156].

Через десять лет, когда автор приезжает в этот край после открытия здесь торгового пути, мотив «постижения нового» сменяется мотивом «нетерпеливого ожидания» – «я с понятным нетерпением ехал в эту реку вогулов, думая, что я их не узнаю» и затем – мотивом «горького разочарования» – «я был страшно удивлён, увидев в их шалашах ту же бедность, какую я видел десять – четырнадцать лет тому назад» [Там же, с. 161], «я уходил, убежал прочь от этих несчастных, гнал их из моей памяти» [Там же, с. 170]. Особым пространственным объектом в произведении выступает вогульский пауль. Именно он становится пересечением двух жизней – до открытия торгового пути и после. Носилов констатирует ужасающую бедность, которая была как «до», так и «после», только люди, которые до этого были хорошими друзьями – «они так радушно встречали меня», «гостеприимные, простодушные, ласковые к незнакомому человеку», стали другими, откровенно «чужими» – «какими-то недоверчивыми, сердитыми» [Там же, с. 159]. Носилов противопоставляет людям собак, как единственных, по настоящему преданных друзей, на которых «не повлияла наша цивилизация» [Там же, с. 161].

И тем не менее отношение автора ни к Крайнему Северу, ни к местному населению мы не можем назвать негативным. Его произведения характеризует, прежде всего, объективность, так как исследованию этой территории он посвятил более двадцати лет. По мнению тюменского исследователя А. К. Омельчука, его задачей было «познакомить читающую Россию с жителями северных окраин» [9, с. 24]. И он её успешно выполнил. Омельчук пишет, что в отличие от других авторов, приезжающих на Север «на минутку», Носилов детально его изучил и стал, по сути, «посредником» между коренными северянами и русской интеллигенцией.

В восприятии писателя местные жители не столько «чужие», сколько «иные». Для него они – хорошие друзья, которые чему-то могут научить его (охоте, рыбалке, пониманию природных явлений), а он, в свою очередь, поделиться с ними какими-то полезными знаниями.

Аборигены также воспринимают Носилова не как человека «чужого», но в то же время и не «своего» до конца. Они с радостью встречают его, принимают как дорогого гостя, но когда дело касается самого сокровенного – их верований, преданий, они становятся очень скрытными и неразговорчивыми.

В очерке «Серебряная баба» Носилов пишет, как один старик из верховий Конды по имени Савва рассказывал ему «про жизнь и верования вогулов», но делал это тайне от своих соплеменников и очень не хотел, чтобы об этих рассказах кто-то узнал. «Другой раз, проговорившись, очнувшись, старик было спохватывался, что сказал лишнее постороннему человеку, и начинал просить меня, чтобы я как не сказал этого вогулам» [8, с. 17]. Как видим, сам писатель называет себя «посторонним» человеком, потому что по-другому, в принципе, быть и не может. Ни он для них, ни они для него в силу колоссальных культурных, этнических, социальных и географических отличий полностью «своими» быть не могут.

Классификация на «своих» и «чужих» в очерках Носилова происходит не только по национальному признаку. Есть здесь «свои – чужие» русские. Такие, например, как сам автор, русские священники, приехавшие в «дикий край нести веру христианскую», учителя, просвещающие инородцев. И действительно, «чужие» русские: купцы, торговцы, мелкие чиновники, обирающие «детей природы», наживающиеся на их слабости и доверчивости. Купцы в произведении – «торгаши», к вогулу же автор сочувственно обращается «голубчик». Писателя возмущает то, каким образом происходит обмен, и он всячески пытается отговорить инородцев от неравноценной сделки, но тщетно: «торгаши» хорошо знают их слабые места и «обманывают без зазрения совести» [7, с. 210].

«Обирая товар, промысел, они меняют товары: за соболя, белку купец наделяет вогула куском жёлтого мыла, дешёвым ситцем по тройной цене, подмоченным порохом, грошовыми пистонами» [Там же, с. 192].

Негативная оценка связана и с образом сборщиков ясака. Они у Носилова – «вершители судеб», которым всё дозволено, которые, прикрываясь «государевым приказом», также бесцеремонно обирают и обманывают местного жителя. Писатель констатирует, что «край беднеет и вымирает», что «масса злоупотреблений», что «многое здесь нехорошо» [Там же, с. 213].

Таким образом, важными дифференцирующими признаками в различении «своего» и «чужого» в творчестве Носилова становятся этнические, социальные, культурные и психологические факторы. Маркерами концепта наиболее часто выступают «русский» – «инородец», «торгаш» – «должник», «дикий» – «цивилизованный», «родина» – «чужбина».

По мнению тамбовского исследователя Я. В. Иконниковой, концепт «свое – чужое» является по своей сути антропоцентрическим и «помогает многое прояснить в авторском мировидении, ибо носит универсальный

характер, присущ художественному творчеству, научному и бытовому мышлению» [3, с. 6]. В творчестве Носилова универсальность концепта проявляется особенно чётко, так как автор рассказывает о жизни северных аборигенов одновременно с позиции писателя, метеоролога, антрополога, этнографа и путешественника. Например, в очерке «Полярная буря» Носилов предстаёт увлечённым метеорологом, изучающим природные явления «чужой» для него местности, в частности, в лексике автора появляются такие профессиональные метеорологические термины, как «анемометр-ветромер», «барометр». В очерке «По следам князя Курбского», он – «отчаянный путешественник» и историк, цель которого – отыскать давно затерянный путь древних жителей «чужого» ему края. Автор пишет, что старинная русская крепость для него – «ценная находка», и он «...так занялся разыскиванием надписей, следов здесь человека, что пробыл тут часа три, не менее» [7, с. 232]. И такое взаимодействие различных направлений – явление для литературы рубежа веков достаточно распространённое. В книге «Хроника литературной жизни Урала XIV-XX веков» уральские исследователи М. А. Литовская и Е. К. Созина отмечают: «На рубеже столетий одной из магистральных линий развития общероссийского искусства становится взаимодействие художественной литературы с публицистикой и этнографией. Так, П. П. Инфантьев, автор первого русского фантастического романа о путешествии на Марс («На другой планете: из жизни обитателей Марса», 1901), в 1892 г. вместе с известным географом, путешественником, научным и общественным деятелем всероссийского масштаба К. Д. Носиловым, родившимся в селе Маслянское Шадринского уезда, совершили путешествие по северно-западному Уралу и Сибири, описав позже увиденное в сериях статей и очерков («Жизнь народов России: этнографические рассказы», 1911-1912 П. П. Инфантьева, «На Новой земле», 1903, «У вогулов», 1904, «На диком Севере», 1913 К. Д. Носилова и др.), ставивших задачей привлечение внимания читателя к особенностям образа жизни и бедственному положению коренного населения края» [5, с. 25].

Таким образом, мы приходим к выводу, что универсальная антитеза «своё – чужое» имеет ключевое значение в творчестве Носилова. Во всех его произведениях присутствуют мотивы открытия и постижения. Он настолько «горит» желанием узнать и понять, что в итоге «чужое» начинает приобретать признаки «своего», а граница, отделяющая одно от другого, становится менее чёткой. Возникает некое взаимопроникновение, приближение «чужого» пространства и «чужого» человека. И в этом своеобразии творчества писателя, в этом его новизна и уникальность.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Изд-во «Искусство», 1986. 445 с.
2. Бирюков В. П. Писатель-земляк К. Д. Носилов // Путь к коммуне. 1958. 15 июля.
3. Иконникова Я. В. «Своё» и «чужое» в прозе А. И. Куприна: проблематика и поэтика: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2013. 39 с.
4. Кубанёв Н. А. Образ Америки в русской литературе: из истории русско-американских литературных и культурных связей конца XIX – первой половины XX века: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 52 с.
5. Литовская М. А., Созина Е. К. Хроника литературной жизни Урала XIV-XX веков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 61 с.
6. Носилов К. Д. На Новой земле. Тюмень: Изд-во «Софтдизайн», 1997. 364 с.
7. Носилов К. Д. У вогулов. Тюмень: Изд-во «Софтдизайн», 1997. 303 с.
8. Носилов К. Д. У вогулов: очерки и наброски. М.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. 125 с.
9. Омельчук А. К. К. Носилов. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. 215 с.
10. Ощепков А. Д. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 251-253.

“NATIVE” AND “ALIEN” IN THE ETHNOGRAPHICAL PROSE BY K. D. NOSILOV

Avvakumova Natal'ya Vladimirovna
Tyumen State University
65184@mail.ru

The paper is devoted to investigating the ethnographical prose by K. D. Nosilov who contributed greatly to the formation of an image of the Extreme North of the end of the XIX – beginning of the XX century. Nosilov's creative work for the first time is investigated from the viewpoint of “native” and “alien”. The special attention is paid to the original presentation of a literary material: Nosilov plays the role of a mediator between the aboriginal people – “the aliens” and the residents of the central Russia – “the natives”. Such an approach is a quite unique phenomenon in the literature.

Key words and phrases: imagology; “native” – “alien”; the Extreme North; K.D. Nosilov; ethnographical prose.